

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**Ив. Бунинъ.** Жизнь Арсеньева. Истоки дней. Издательство «Современныя Записки», Париж 1930 г.

«Жизнь Арсеньева» хорошо известна читателямъ «Современныхъ Записокъ». Хорошо известень и успѣхъ, выпавшій на долю этой книги. Немного можно было бы указать въ новѣйшей русской литературѣ примѣровъ столь заслуженнаго успѣха. Но лишь теперь, прочтя книгу не въ отрывкахъ, а сразу и цѣликомъ, мы можемъ судить по настоящему о красотѣ и силѣ новаго произведенія И. А. Бунина. Думаю, что «Жизнь Арсеньева» занимаетъ первое мѣсто среди его книгъ. Этимъ сказано, какое высокое мѣсто она занимаетъ въ русской литературѣ.

Мнѣ уже приходилось указывать на рѣдкую особенность творческаго пути Бунина, — его непрерывный художественный подъемъ: каждое новое его произведеніе лучше предыдущихъ. Отмѣнимъ теперь и другое. На смѣну шедеврамъ, густо окрашеннымъ въ черный цвѣтъ, на смѣну книгамъ пессимистическимъ, чуть только не мизантропическимъ («Петлистая уши», «Хорошая жизнь», «Господинъ изъ Санъ-Франциско») пришла одна изъ самыхъ **свѣтлыхъ** книгъ русской литературы. Знаю затасканность подчеркнутаго мною слова, однако другого я не нахожу.

Бунинъ говоритъ въ «Жизни Арсеньева»: «Необыкновенное впечатлѣніе произвели на меня «Старосвѣтскіе помѣщики», «Страшный мѣсть», «Тарасъ Бульба», но опять-таки лишь нѣкоторыми своими мѣстами, да своимъ общимъ высокимъ складомъ и смысломъ». Въ «Жизни Арсеньева» тотъ же высокій складъ, — и его обаянію, его чарамъ поддаешься съ первой строчки книги. Она вотшебно обращаетъ въ краску все, вплоть до осенней грязи (которой придется неожиданннй эпитетъ «**синня** грязь»), вплоть до коробочки съ ваксой: «За всю мою жизнь не испытала я отъ вещей, видѣнныхъ мною на землѣ, — а я видѣлъ много, — такого восторга, такой радости, какъ на базарѣ въ этомъ городѣ, держа въ рукахъ коробочку ваксы. Круглая коробочка эта была изъ простого лыка, но что это было за лыко и съ какой несравненной художественной ловкостью была сдѣлана изъ него коробочка! А самая вакса! Черная, тугая, съ тусклымъ блескомъ и чопотельнымъ спиртнымъ запахомъ!»

Не помню, кто назвалъ Бунина «писателемъ для писателей». И дѣйствительно, многое въ его творествѣ могутъ оцѣнить только беллетристы. Все сказано объ изобразительномъ искусствѣ Бунина:

При этомъ часто имѣють въ виду его картины природы. По моему, Бунинскія картины города имѣ нисколько не уступаютъ. Автору «Петлистыхъ ушей» принадлежитъ лучшее въ русской литературѣ описаніе Невскаго Проспекта. Въ «Жизни Арсеньева» высоко-художественныхъ картинъ такъ много, какъ ни въ одномъ другомъ произведеніи Бунина. Приведу только одну страницу въ качествѣ образца его изумительнаго искусства:

«Рѣзко, попугаями, вскрикивали, вылетая на арену подѣ толпой публики и со всего размаху штепаясь съ притворной неловкостью животомъ въ песокъ, широкошпанные клоуны съ мучными лицами и оранжево-огненными волосами, за ними гякело вырываются старши, бѣлая лошадь, на широчайшей вогнутой спицѣ которой стоя неслась вся осыпанная золотыми блесками коротконогая женщина въ розовомъ трико, съ розовыми тугими ляжками подѣ торчащей балетной юбочкой... Музыка съ беззаботной удалью нажаривала «Ивушка, ивушка, зеленая моя», чернобородый красавецъ-директоръ во фракѣ, въ ботфортахъ и въ цилиндрѣ, стоя и вращаясь посреди арены, равномерно и чудесно стрѣлялъ длиннымъ бичемъ, лошадь, круто, упрямо выгнувъ шею, вся завалившись наискось, тяжкимъ галопомъ мчалась по самому краю круга, женщина выжидательно пружинила на ней и вдругъ съ какимъ-то короткимъ, кокетливымъ крикомъ взвилась и съ трескомъ прорывала бумажный щитъ, вскинутый передѣ нею шталмейстерами въ камзолахъ.. А когда она, стараясь быть легче пуха, слетала наконецъ съ лошади на незрытый песокъ арены, съ чрезвычайнѣйшей граціей присѣдала, дѣлала ручками, какъ-то особенно вывертывая ихъ въ кисти, и, подѣ бурю аппоцисментовъ, съ преувеличенной дѣтскостью, уносила за кулисы, музыка вдругъ смолкала (хотя клоуны, растябанно шатаясь по аренѣ съ видомъ безпріютныхъ дурачковъ, картаво кричали: «еще потпорціи камаринскаго») ..

Удаются ли Бунину отдѣльные люди такъ, какъ ему удаются «предметы»? Онъ почти не пользуется пріемомъ «душевнаго монолога». Въ «Петлистыхъ ушахъ» убійство сдѣлано какъ бы составной частью страннаго петербургскаго пейзажа. Внѣшнее описаніе порою дѣлаетъ чудеса и въ «Жизни Арсеньева»: «Онъ (мѣщанинъ Ростовцевъ) вошелъ, спокойно нахмуренный, снялъ въ маленькой прихожей картузь и чуйку и остался въ одной легкой сѣрой поддевкѣ, которая вмѣстѣ съ вышитой косовороткой и товкими опойковыми сапогами особенно подчеркивала его русскую ладность. Сказавъ что-то сдержанно-привѣтливое женѣ, онъ тщательно вымылъ и туго отжалъ, встряхнулъ руки подѣ мѣднымъ рукомойникомъ, висѣвшимъ надѣ тоханью въ кухнѣ Ксюша, младшая дѣвочка, потупивъ глаза, подавая ему чистое длинное полотенце. Онъ неспѣша вытеръ руки, съ сумрачной усмѣшкой кинулъ полотенце ей на голову, — она при этомъ радостно вспыхнула, — и, войдя въ комнату, нѣсколько разъ точно и красиво перекрестился и поклонился на образничку въ уголъ» .. --

Къ этому нечего прибавить и безъ «освѣщенныхъ внутренностей» человѣкъ показанъ такъ, какъ показанъ циркъ въ строкахъ, приведенныхъ выше.

«Жизнь Арсеньева» не воспоминанія, не автобіографія. По крайней мѣрѣ мемуарами ихъ можно считать лишь въ такой же мѣрѣ, какъ «Героя нашего времени» или «Дѣтство, отрочество и юность». Излагать содержаніе книги незначѣмъ: ее, конечно, прочтеть всякій образованный русскій. Я не буду останавливаться и на идейномъ содержаніи «Жизни Арсеньева». Мысли Бунина не книжныя, и въ теоретическомъ отвлеченіи о нихъ говорить трудно; по настоящему ихъ можетъ оцѣнить только тотъ, кто хорошо знаетъ этого необыкновенно даровитаго человѣка, — человѣческая талантливость И. А. Бунина вѣдь равна его огромному литературному таланту. Она и въ его страстности, и въ его пристрастіяхъ, и въ его острой ненависти ко всякой фальши (или ко всему тому, что кажется фальшью Бунину).

«Общій выводъ» книги, результатъ жизненнаго опыта автора, думаю (хоть, разумѣется, не ручаюсь), слѣдующій: Люби жизнь, — много въ ней и сквернаго, и страшнаго, — но вѣдь самое скверное и самое страшное: «огромный бархатно-фіолетовый ящикъ съ мерзкимъ серебряными лапками»; люби жизнь, — она все-таки того стоитъ, — относись къ ней просто, какъ относились къ ней предки, и не старайся облагодѣтельствовать человѣчество, — оно какъ нибудь обойдется и безъ тебя.

**М. Алдановъ.**

**Иванъ Болдыревъ. Мальчики и дѣвочки -- В. С. Яновскій. Колесо** —  
Издательство «Новые Писатели». Парижъ-Берлинъ. 1929 - 1930.

Объ книжки выпущены новымъ издательствомъ, которое «поставило себѣ задачей помочь новымъ, по преимуществу молодымъ русскимъ зарубежнымъ писателямъ издавать ихъ повѣсти и романы» «Уже достаточно остро, — говорится въ проспектѣ этого издательства, — стоитъ вопросъ о «молодой смѣнѣ», о томъ, чтобы новые таланты могли себя проявить, имѣли поощреніе и выступили на сцену литературной критики и читателей». При этомъ имѣются въ виду преимущественно «начинающіе писатели» — «никакихъ ограниченій, со стороны политической или въ смыслѣ литературной школы редакция издательства не устанавливаетъ». Редакторомъ и руководителемъ издательства приглашенъ М. А. Осоргинъ.

Задачи, несомнѣнно, очень симпатичныя, можетъ быть — даже очень нужныя. Объ книжки молодыхъ писателей — Ивана Болдырева и В. С. Яновскаго — это начинаніе, несомнѣнно, оправдываютъ. И дѣло здѣсь не только въ отысканіи «молодой смѣны» и молодыхъ дарованій, удачно слѣланъ выборъ и въ смыслѣ темы. Объ книжкѣ, написанная отчасти въ формѣ повѣсти и въ гораздо, повидимому, большей степени въ формѣ изображенія пережитаго, а потому но-